

РИЧАРД ОЛДИНГТОН

СМЕРТЬ ГЕРОЯ



ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-53

Серия «Эксклюзивная классика»

Richard Aldington
DEATH OF A HERO

Перевод с английского *Норы Галь*

Серийное оформление *Е. Ферез*

Печатается с разрешения
The Estate of Richard Aldington c/o Rosica Colin Limited
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Олдингтон, Ричард.

О-53 Смерть героя : [роман] / Ричард Олдингтон ;
[пер. с англ. Норы Галь]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 480 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-095345-5

«Смерть героя» Олдингтона — книга, которая наряду с романами «Прощай, оружие!» Хемингуэя и «На западном фронте без перемен» Ремарка стала своеобразным манифестом «потерянного поколения». Работа над произведением заняла всего пятьдесят один день.

Максим Горький назвал «Смерть героя» Олдингтона «злой, полной жуткого отчаяния» книгой, свидетельствующей об окончательном загнивании буржуазного мира.

«Эта книга является надгробным плачем, — писал Олдингтон, — памятником, быть может, неискusstным, поколению, которое горячо надеялось, боролось честно и страдало глубоко».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Richard Aldington 1929, 1965, 1993
and the Estate of Richard Aldington
© Перевод. Нора Галь, наследники, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095345-5

*Смотрите, как мы развлекаемся!
Но когда же и повеселиться, как не в молодости:
ведь живешь только раз, да еще в Англии;
и то и другое не пустяк,
от любой из этих бед можно поседеть в одиночасье;
потому что, да будет вам известно,
нет на свете другой страны,
где было бы так много старых дураков
и так мало молодых.*

Гораций Уолпол

ОЛКОТТУ ГЛОВЕРУ

Дорогой мой Ол! Памятуя о Джордже Муре, не терпевшем предисловий, все, что я хочу здесь сказать, я, пожалуй, лучше изложу в письме к тебе. Хоть ты и постарше меня, мы все же принадлежим к одному поколению — к тем, кто детство и отрочество свое, точно юный Самсон, провел в попытках разорвать путы викторианства и чье возмужание совпало с мировой войной. Многое множество наших сверстников унесла безвременная смерть. Нам повезло — а быть может, не повезло: мы уцелели.

Я начал эту книгу почти сразу же после перемирия, в крохотной бельгийской деревушке, где мы тогда квартировали. Помню, все вокруг утопало в снегу, а угля у нас почти не было. Потом началась демобилизация, немало труда мне стоило вновь приспособиться к мирной жизни, и на этом книга моя погибла. Я забросил рукопись и больше уже не брался за нее. Попытка оказалась преждевременной. Но ровно десять лет спустя, чуть ли не день в день, я вновь почувствовал, что должен приняться за эту книгу. Знаю, по многим причинам ты прочтешь ее с сочувствием. Но я не могу ждать той же снисходительности от других.

Эта книга — не создание романиста-профессионала. Она, видимо, вовсе и не роман. В романе, насколько я понимаю, некоторые условности формы и метода давно

уже стали незыблемым законом и вызывают прямо-таки суеверное почтение. Здесь я ими совершенно пренебрег. Единственное мое оправдание: всякий волен писать, как ему заблагорассудится. Говорят, в этом романе я допускаю ошибки столь же чудовищные, как если бы ты в своих драмах ввел монологи и реплики «в сторону» или вдруг сам вышел бы на сцену и принял участие в спектакле. Ты знаешь, как я был бы рад, если бы ты это сделал: я — враг всяких правил, произвольно навязываемых искусству. Стандарт в искусстве мне так же ненавистен, как в жизни. Грешил ли я экспрессионизмом и сюрреализмом или не грешил — этого я не знаю и знать не хочу. Я знал, что хочу сказать, — и сказал это. И ничуть не старался быть «оригинальным».

Техника этой книги, если тут вообще можно обнаружить какую-либо технику, та же, что я изобрел, когда писал свою длинную современную поэму под названием «Простак в лесу» (тебе она нравилась). Кое-кто называл ее «джазовой поэзией»; а теперь я написал, очевидно, джазовый роман. Ты увидишь, насколько это соответствует моей теме.

Надеюсь, во всяком случае, что явный или скрытый в этой книге идеализм найдет в тебе отклик. Я испытал много сомнений, колебаний, взгляды мои менялись, но всегда я сохранял известный идеализм. Я верю в людей, верю в некую изначально присущую им честность и чувство товарищества, — без этого общество не могло бы существовать. Как часто честность извращают, как часто товарищество предают, ты знаешь не хуже меня. Я не верю в трескучие фразы и в деспотизм, даже в диктатуру интеллигенции. Думается, мы с тобой имеем некоторое представление о том, что такое интеллигенция.

Кое-кто из молодежи, те, кому предстоит «вершить благородные дела, о которых мы забыли», с этим

не согласны. Они полагают, будто с трескучими фразами можно бороться с помощью сверхтрескучих фраз. Искренность давным-давно устарела. Неважно, что именно говорить; важно только внушать другим, что ты прав. И остается одна надежда: запретить всем читать, за исключением немногих избранных (кем и как избранных?), а уж они будут указывать нам, простым смертным, что делать и как жить. Да неужели мы в это поверим? За тебя, так же как и за себя, смело отвечаю: конечно нет! А впрочем, может быть, это ирония и молодым людям просто не дают покоя лавры Свифта.

Но, как ты увидишь, эта книга, в сущности, — надгробный плач, слабая попытка создать памятник поколению, которое на многое надеялось, честно боролось и глубоко страдало. Другие, вероятно, поймут это совсем иначе. Почему бы и нет? А мы добиваемся только одного: пытаемся сказать правду, верим, что это правда, и не боимся ни противоречить себе, ни признавать свои ошибки.

*Всегда твой Ричард Олдингтон.
Париж, 1929*

От автора

Этот роман в напечатанном виде несколько отличается от рукописи. К моему удивлению, издатели сообщили мне, что некоторые слова, выражения, обороты и даже отдельные отрывки оказались сейчас в Америке под запретом. Я описывал в этой книге только то, что наблюдал в жизни, говорил только то, что безусловно считаю правдой, и у меня не было ни малейшего намерения тешить чье-либо нечистое воображение. Для этого моя тема слишком трагична. Но я вынужден послушаться совета тех, кто знает законы о печатном слове. Поэтому я просил издателей изъять из книги все, что, по их мнению, может показаться предосудительным, и заменить точками каждое пропущенное слово. Пусть лучше книга выйдет изуродованной, но я не стану говорить то, чего не думаю.

En attendant mieux*.

P.O.

P. S. Справедливости ради должен прибавить, что в этом американском издании сокращения гораздо меньше и малочисленней, чем те, которых от меня потребовали в Англии.

* В ожидании лучшего (*фр.*).

Пролог

MORTE D'UN ERÖE*

Allegretto

Военные действия давно уже прекратились, а в газетах все еще появлялись списки убитых, раненых и пропавших без вести, — последние спазмы перерезанных артерий Европы. Разумеется, никто этими списками не интересовался. Чего ради? Живым надо решительно ограждать себя от мертвецов, тем более — от мертвецов навязчивых. Но утрата двадцатого века огромна: сама Юность. И слишком многих пришлось забывать.

В одном из этих последних списков, под рубрикой «Пали на поле брани», стояло следующее:

«Уинтерборн, Эдуард Фредерик Джордж, капитан 2-й роты, 9-го батальона Фодерширского полка».

Новость эта была встречена с таким равнодушием и забыли Джорджа Уинтерборна с такой быстротой, что даже он сам удивился бы, — а ведь ему был свойствен безмерный цинизм пехотинца: пехотные циники всегда прикидываются такими безмозглыми бодрячками и этим вводят в заблуждение многих не слишком проницательных людей. Уинтерборн почти надеялся, что его убьют, и знал, что его безвременную смерть в возрасте двадцати лет с небольшим оставшиеся в живых уж на-

* Смерть героя (*ит.*).

верно перенесут стоически. Но то, что произошло, все же немного уязвило бы его самолюбие.

Говорят, жизнь — все равно что светящаяся точка, внезапно возникающая из ниоткуда. Прочертит в пространстве и времени сверкающую причудливую линию — и так же внезапно исчезнет. (Любопытно было бы поглядеть на огни, исчезающие из Времени и Пространства во время какого-нибудь большого сражения: Смерть гасит свечи...) Что ж, это наша общая участь; но мы тешим себя надеждой, что наш довольно путанный и не слишком яркий след будет еще хоть несколько лет светить хоть нескольким людям. Я думаю, имя Уинтерборна и вправду появилось на какой-нибудь мемориальной доске в память павших воинов, скорее всего в церкви при той школе, где он учился; и, конечно, во Франции он получил, как полагается, вполне приличный надгробный камень. Но и только. Его гибель никого особенно не огорчила. У людей сдержанных и притом небогатых друзей немного; и Уинтерборн не слишком надеялся на своих немногочисленных приятелей, а меньше всего на меня. Но я знал — он сам говорил мне, — что есть на свете четыре человека, которым как будто не совсем безразличен он и его судьба. Эти четверо — его отец и мать, его жена и его любовница. Знай он, как все они приняли весть о его смерти, я думаю, это его раздосадовало бы, но и позабавило, а пожалуй, у него и полегчало бы на душе. Он избавился бы от ощущения, что он все же за них в ответе.

Отец Уинтерборна — я немного знал его — отличался непомерной сентиментальностью. Тихий, беспомощный, с претензией на аристократичность, он был эгоистом из породы самоотверженных (иными словами, вечно ставил себе в заслугу, что «отказывается» от

чего-нибудь такого, чего в глубине души боялся или не хотел) и обладал особым даром портить жизнь окружающим. Просто удивительно, сколько непоправимого вреда может причинить добрый, в сущности, человек. Десять отъявленных мерзавцев натворят меньше зла. Он испортил жизнь жене, потому что был с нею чересчур мягок; испортил жизнь детям, потому что был с ними чересчур мягок и сентиментален и потому что потерял свое состояние — непростительный грех со стороны родителя; испортил жизнь друзьям и клиентам, без всякого злого умысла пустив их по миру; и совсем испортил свою собственную жизнь. Это — единственное, что он на своем веку сумел сделать добросовестно, основательно и до конца. Он устроил из своего существования такую путаницу, что ее не сумела бы распутать целая армия психологов.

Когда я сказал Уинтерборну все, что думал о его отце, он почти во всем со мною согласился. Но, в общем, он любил отца, должно быть обезоруженный его кротким нравом и слишком снисходительный к этой тихой эгоистической сентиментальности. Быть может, при других обстоятельствах отец иначе воспринял бы известие о смерти Джорджа и иначе вел бы себя. Но он был до того напуган войной, до того не способен примениться к жестокой, неотвратимой действительности (он всю свою жизнь упорно от нее уклонялся), что ударился в набожность, доходящую до юродства. Он свел знакомство с какими-то елейными католиками, и зачитывался елейными брошюрками, которыми они его засыпали, и хныкал, и изливал душу елейному до отвращения духовнику, которого они ему сосватали. Итак, в разгар войны он был принят в лоно католической церкви; он без конца читал молитвы, и слушал мессу, и составлял

правила поведения для тех, кто стремится к жизни вечной, и даже находил в себе сходство со святым Франциском Сальским, и молился о канонизации сверхъестественной Терезы Лизьеской, — и, будем надеяться, обрел во всем этом утешение.

Известие о гибели Джорджа застало старика Уинтерборна в Лондоне, где он «работал на оборону». Он никогда бы не взялся за дело, которое требовало решимости и энергии, если бы его не довела до этого жена, пилющая его без передышки. Ее воодушевлял не столько бескорыстный патриотизм, сколько злость: возмутительно, что он вообще существует на свете, да еще мешает ее любовным похождениям! А он всегда с гордым и скорбным достоинством повторял, что его религиозные убеждения запрещают ему с ней развестись. Религиозные убеждения — прекрасный предлог, чтоб делать людям гадости. Итак, она нашла для него в Лондоне оборонную работу и поставила его в такое положение, что он не мог отказаться.

Телеграмма военного министерства — «с прискорбием сообщаем... пал на поле брани... соболезнование их величеств...» — пришла на адрес загородного дома и попала в руки миссис Уинтерборн. Какой повод для переживаний, едва ли не приятное разнообразие: в деревне сразу после перемирия скука была изрядная! Миссис Уинтерборн сидела у камина, зевая в лицо своему двадцать второму любовнику, — роман тянулся уже около года, — и тут горничная подала телеграмму. Телеграмма была адресована мужу, но жена, разумеется, ее вскрыла: она подозревала, что какая-нибудь «такая» женщина охотится за ее супругом, который, впрочем, по трусости своей был, к сожалению, вполне добродетелен.

Миссис Уинтерборн обожала в жизни театральные эффекты. Она вполне убедительно взвизгнула, прижала руки к довольно рыхлой груди и сделала вид, что падает в обморок. Любовник, образцовый молодой англичанин — то есть спортсмен и славный малый, из тех, что звезд с неба не хватают и дают водить себя за нос каждой юбке, тем паче каждой образцовой англичанке, подхватил ее машинально и не слишком охотно, но воскликнул с чувством, подобно какому-нибудь герою Этель Делл:

— Что случилось, дорогая? Неужели *он* опять оскорбил вас?

Бедняга Уинтерборн-старший был совершенно не способен кого-либо оскорбить, но у миссис Уинтерборн и ее любовников так уж повелось: возмущаться мужем, который ее «оскорбляет» и «издевается» над нею, хотя он в худшем случае позволял себе горячо молиться о том, чтобы супруга, вкупе со всей «несчастной заблудшей Англией», обратилась к истинной вере.

Низким томным голосом, в подражание героиням душещипательных романов, миссис Уинтерборн проstonала:

— Он умер, умер!

— Кто? Уинтерборн?

(Хлопотавший вокруг нее Сэм Браун, кажется, немного испугался — ему, конечно, придется предложить руку и сердце, — и предложение того и гляди примут.)

— Мой сыночек! Эти гнусные, мерзкие гунны убили моего мальчика.

Сэм Браун, все еще ничего не понимая, взял телеграмму и прочел ее. Потом вытянулся, отдал честь (хотя на нем не было фуражки) и сказал торжественно:

— Славная, честная смерть. Смерть, достойная англичанина.

(Когда убивают гунна, в этом нет ничего славного и честного: так им, подлецам — не при дамах говорится «стервецам», — и надо.)

Слезы, проливаемые миссис Уинтерборн, были не слишком искренни, и их довольно быстро удалось осушить. Она трагически бросилась к телефону. Трагическим голосом сказала в трубку:

— Подстанция? *(Всхлип.)* Дайте мне Кенсингтон десять тридцать. Да, да, номер мистера Уинтерборна *(всхлип)*. Наш милый сын... капитан Уинтерборн... погиб... его убили эти *(всхлип)* звери. *(Всхлип. Пауза.)* Благодарю вас, мистер Крамп, я не сомневалась, что вы посочувствуете нашему горю. *(Всхлип. Всхлип.)* Такой внезапный удар. Мне не-об-хо-димо поговорить с мистером Уинтерборном. У нас здесь сердца разрываются *(всхлиписсимо)*. Благодарю вас. Я буду ждать звонка.

И в телефонном разговоре с супругом миссис Уинтерборн также оставалась верна себе:

— Это ты, Джордж? Да, это я, Изабелла. Я сейчас получила печальное известие. Нет, о Джордже. Приготовься, дорогой. Боюсь, что он очень болен. Что? Нет, Джордж, Джо-ордж! Ты что, оглох? Ну, вот так-то лучше. Так вот, слушай, дорогой, ты должен приготовиться к тяжкому удару. Джордж очень болен. Да, да, наш Джордж, наш малютка. Что? Ранен? Нет, не ранен, очень опасно болен. Нет, дорогой, надежды почти никакой. *(Всхлип.)* Да, дорогой, телеграмма от их величеств. Прочитать тебе? Ты приготовился к удару, Джордж, да? «С глубоким прискорбием... пал на поле брани... соболезнование их величеств...» *(Всхлип. Долгая пауза.)* Ты слушаешь, Джордж? Алло, алло! *(Всхлип.)* Алло, алло! Алло-о! *(Сэму Брауну.)* Он повесил трубку! Этот человек надо мной издевается! Когда я в таком горе! Это невыносимо! А я еще старалась смягчить удар!

(Всхлип. Всхлип.) Но ведь мне всегда приходилось сражаться ради моих детей, а он только сидел уткнувшись носом в книгу или твердил молитвы!

К чести миссис Уинтерборн надо сказать, что она не очень-то верила, будто молитвы помогают в практической жизни. Однако ее неприязнь к религии коренилась в другом: эта женщина терпеть не могла делать то, чего ей делать не хотелось, и глубоко ненавидела всякое подобие мысли.

Услыхав роковое известие, мистер Уинтерборн упал на колени (не забыв, однако, дать отбой, чтобы не слышать больше эту фурию) и воскликнул: «Упокой, Господи, его душу!» После этого мистер Уинтерборн еще долго молился за упокой души Джорджа, за себя самого, за свою «заблудшую, но возлюбленную супругу», за других своих детей — «да спасутся и да внидут по милости твоей, Господи, в лоно истинной веры», за Англию (то же), за своих врагов — «ты, Господи, веси, я чужд вражде, хоть и грешен, mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa, ave Maria...»*

Некоторое время Уинтерборн простоял на коленях. Но на кафельном полу в прихожей молиться было жестко и неудобно, а потому он пошел в спальню и преклонил колена на мягкой молитвенной скамеечке. Перед ним на аналое, покрытом весьма благочестивой вышивкой — даром «сестры во Христе», — лежал раскрытый требник в весьма благочестивом переплете, с яркой весьма благочестивой закладкой. На подставке стояла раскрашенная Дева Мария с тошнотворным младенцем Иисусом, копия статуи из монастыря Сен-Сюльпис; в

* Моя вина, моя вина, моя величайшая вина, радуйся Мария... (*лат.*)